

**РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА 1812 Г. В ЗЕРКАЛЕ ИН-
ФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПРЕССЫ
1812 Г.)⁵⁶¹**

Господство над информационным пространством во все времена было определяющим фактором формирования общественного мнения и общественного сознания. Особенно ярко это проявляется в период государственных и межнациональных конфликтов. Проблематика информационных войн особенно популярной стала в последнее время. Однако исследователи в этом плане чаще всего обращаются к опыту истории XX в. и к современности. Между тем, не менее важный материал в осмыслении этих проблем предлагает нам XIX в. Именно он стал эпохой расцвета периодической печати, которая, для общества того времени была единственным источником информации о происходивших событиях. Автор на основе анализа французских и русских газет 1812 года пришла к выводу, что материалы прессы стали основой для формирования образов войны 1812 года в исторической памяти как французов, так и русских. Большинство газет, ориентируясь на формирование соответствующей правительственной установке психологической атмосферы в обществе, предлагало заранее подготовленные варианты осмысления событий, мало соотносившиеся с действительностью.

Ключевые слова: информационное пространство, историческая память, русская кампания

Господство над информационным пространством во все времена было определяющим фактором формирования общественного мнения и общественного сознания. Особенно ярко это проявляется в период государственных и межнациональных конфликтов. Проблематика информационных войн особенно популярной стала в последнее время. Однако исследователи в этом плане чаще всего обращаются к опыту истории XX в. и к современности⁵⁶². Между тем, не менее важный материал в осмыслении этих проблем предлагает нам XIX в. Именно он стал эпохой расцвета периодической печати, которая, для

Алена Александровна Постникова, старший научный сотрудник Уральского федерального университета, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017; Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26), кандидат исторических наук.

Alena Postnikova, senior research associate of the Ural Federal university, associate professor of general history of the Ural state pedagogical university (620017; Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave. 26), PhD

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041)

⁵⁶² См.: Kauffer 1999; Huyghe 2001; [Mackey 2015](#).

общества того времени была единственным источником информации о происходивших событиях.

Как правило, именно пресса в XIX и в значительной степени в XX в. способствовала формированию таких устойчивых представлений о прошлом и настоящем, которые, чаще всего, искажали реальность, но тесно были связаны с сиюминутными потребностями государства. Подобные представления достаточно легко распространялись в закрытом информационном пространстве и чаще всего воспринимались обществом как «историческая истина».

Диалектика войны в любые времена диктовала необходимость конструирования образа врага в информационном пространстве как ключевого элемента пропаганды. На материалах русской кампании Наполеона можно проследить действие подобных механизмов воздействия на общественное мнение и общественное сознание. Основным источником информации о войне для российской стороны были газеты «Северная почта», «Санкт-Петербургские ведомости», с октября 1812 г. начал выходить журнал «Сын Отечества». Во Франции в период Первой империи текст сначала публиковался в газете «Le Moniteur», а затем перепечатывался во всех остальных газетах (материалы данной статьи основаны на газете «Le Journal de l'Empire»).

Русская кампания 1812 г. сопровождалась не только боевыми действиями, но и борьбой на страницах периодической печати⁵⁶³. В то же время в период мирного сосуществования России и Франции, обусловленного подписанием Тильзитского мира в 1807 г., в публицистике создавался позитивный образ вчерашнего противника, но теперь ключевого внешнеполитического партнера. Так, в российских газетах тех лет Наполеон представлялся «верным союзником России»⁵⁶⁴. А так как общим врагом двух стран была в те годы Великобритания, российская пресса, стремясь обосновать успешность русско-французского союза, неоднократно отмечала внутрисполитические проблемы, которые претерпевали англичане: «По самым достоверным известиям из Англии, видно, министры там ссорятся и дерутся, что вообще в министерстве весьма скоро последует перемена»⁵⁶⁵. Французская пресса, демонстрируя солидарность с русскими изданиями, также представляла англичан главными врагами мира в Европе и явной угрозой «крепкой русско-французской дружбе»⁵⁶⁶. В связи с этим во французской публицистике неоднократно отмечался факт стремления Англии разрушить этот союз: «Английские газеты пишут, что англичане скоро

⁵⁶³ См.: Тарле 2010; Туган-Барановский 1995.

⁵⁶⁴ Северная почта 1809: 2.

⁵⁶⁵ Там же: 13.

⁵⁶⁶ Le Journal de l'Empire 1810: 11 avril.

заклучат мир с Россией, что в очередной раз убеждает нас в сумасшествии их правительства»⁵⁶⁷.

С началом вторжения Наполеона в Россию под воздействием метаморфоз информационной войны в публицистике образ надежного партнера достаточно быстро «переформатировался» в образ агрессивного врага. Учитывая тот факт, что периодическая печать была единственным источником информации о ходе войны и военных действий, на ее основе мы можем представить те образы событий, которые формировались в сознании большинства читающей публики.

В начале русского похода французская пресса целенаправленно проводила аналогии походов Наполеона с войнами великих правителей прошлого. В течение июля 1812 г. на страницах газеты «Монитор универсель» публиковались отрывки из книги «Карл Великий, или разгром ломбардцев», повествовавшей о справедливой войне против варваров во имя создания цивилизованной Империи. В это же время был опубликован очередной перевод «Илиады» о подвигах древних героев, с которыми отождествляли себя солдаты Наполеона⁵⁶⁸. Тем самым, публицистика, участвуя в информационной войне, сознательно подготавливала общество к мысли о том, что Франция ведет справедливую войну против «варваров», которая впишет еще одну строку в героическую историю.

В сущности, как для французов конструирование образа врага было связано с обоснованием необходимости борьбы с противостоящей западноевропейской цивилизации цивилизации варваров, так и русская периодическая печать стремилась создать подобную картину, только поменяв ее элементы местами. В первые дни кампании на страницах российских газет были опубликованы статьи, описывающие французов как диких варваров, которые не щадят народов, ими завоеванных: «Мы видели уже из журналов и описаний иностранных, что во время войны в немецкой земле, французы буйствовали и там подобным образом. Они творили нечестие не только в иноверческих церквях, но не щадили церквей и католического исповедания, к коему сами принадлежащими числятся»⁵⁶⁹.

Каждое государство было заинтересовано в том, чтобы противоборствующую сторону объявить агрессором. Во французской публицистике в начале кампании в качестве причин войны было названо несоблюдение Россией Тильзитского мира: «Когда наш правитель после славной победы заключил Тильзитский мир, русский двор обещал присоединиться к условиям блокады против Англии, но нарушил это

⁵⁶⁷ Ibid: 12 juillet.

⁵⁶⁸ Le Moniteur universel 1812: Juillet.

⁵⁶⁹ Северная почта 1812: 276.

обещание»⁵⁷⁰. В связи с этим заявлялось, что Наполеон не хочет затяжной войны, что император планирует лишь подойти к границам России и заставить Александра I объяснить причин нарушения Тильзитского договора. Позже, в июле 1812 г. из второго бюллетеня Великой армии французы узнали, что Россия отказалась от объяснения причин нарушения условий договора, заявив тем самым, что не намерена идти на компромисс. Как писали газеты, именно по этой причине французы для защиты своей чести вынуждены были пойти на более решительные меры: «Любое средство договориться между двумя императорами стало невозможным: абсурдность, которая управляет русским кабинетом, вовлекла его в войну»⁵⁷¹. В этом же номере журнала было опубликовано воззвание Наполеона к солдатам, в котором указывался основной виновник войны: «Солдаты, мы начинаем вторую польскую войну. Первая закончилась в Тильзите, где Россия поклялась в вечном союзе с Францией против Англии. Она нарушила договор и не дает никаких объяснений такого странного поведения. Она нас поставила между выбором позора или войны. Для Франции выбор очевиден, мы пойдем вперед и принесем войну на территорию этой страны»⁵⁷².

В конце июля в связи с очевидностью затягивания войны французская публицистика начала искать более значимые причины начала кампании. Необходимость заставить Россию соблюдать Тильзитский мир уже не укладывалась в общую картину происходящих действий. Периодическая печать стала акцентировать внимание на миротворческих целях Наполеона, а именно на том, что он призван наказать Россию за агрессию по отношению к соседним странам, в частности, по отношению к Польше. Так, 21 июля французская публика увидела в газетах обращение Наполеона к полякам, в котором император утверждал их, что они должны поддержать Великую армию, так как эта война затеяна ради восстановления их независимости: «Эта война вернет вам Родину, которой у вас не было в течение многих лет. Именно ради независимости Польши мы вступили в этот бой. Франция поможет восстановить статус вашего государства, который был непременно уничтожен»⁵⁷³.

Польский вопрос стал основным аргументом во французской публицистике, подтверждающим справедливость и честность намерений французского императора. Именно к этому факту апеллировали политические памфлеты, выходявшие в течение июля и августа 1812 года. В этом плане представляет интерес произведение «Вторая поль-

⁵⁷⁰ Le Journal de l'Empire 1812: 5 juillet.

⁵⁷¹ Ibid: 21 juillet.

⁵⁷² Ibid: 5 juillet.

⁵⁷³ Ibid: 21 juillet.

ская война»⁵⁷⁴ агента французской секретной службы Ж.М. Року. Автор попытался подтвердить факт агрессивного характера политики России по отношению к Польше и призывал защитить соседние страны от территориальных претензий Александра I. В целом, французская публицистика, представляя русскую кампанию как справедливую со стороны Наполеона, делала акценты на том, что Великая армия призвана защитить Европу от агрессии России. В сущности, уже в течение июля во французской публицистике произошла некая трансформация в оценках смысла русской кампании – от утверждений о нарушении Тильзитского мира Россией до акцентирования на освободительном характере войны во имя освобождения Польши.

Если во французской периодике указывались не политические причины и говорилось о необходимости защиты чести государства, то в русской публицистике смысл этой войны стал сводиться к тезису нападения «безбожников». В этом плане весьма показательным обращением митрополита Московского Платона к русскому императору, опубликованное в газетах 23 июля: «Августейший монарх, покусится алчный враг простерть за Днепр злобное оружие, - и этот фараон погрязнет здесь с полчищем своим. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку – страшно выговорить! Реку крови человеческой. Франция познает в Бога Господа отмщений; а Россия возчувствует, исповедает, воспевает к нему»⁵⁷⁵. В целом, религиозный аспект в публицистике достаточно быстро начал становиться главным механизмом объединения русского народа против неприятеля. В то время как для французов главный аргумент заключался в необходимости сохранения мира в Европе.

Пропаганда обеих стран, стремившаяся утверждать в общественном сознании заранее смоделированные «коды» объяснения событий, преуменьшала военные возможности неприятеля. Так, во французской публицистике отступление русской армии в начале войны обосновывалось не каким-то заранее составленным планом, а трусостью русских и варварским отношением к своей же собственной земле: «Русские сожгли значительные продовольственные запасы в своих селениях, что привело к огромным потерям не только для их финансов, но и в целом для существования народа»⁵⁷⁶.

В свою очередь, русская периодическая печать не комментировала причины отступления армии, а только «зомбировала» общество устрашающей информацией о том, что французы варварски уничтожают все на своем пути. Почти в каждом выпуске газет в начале войны

⁵⁷⁴ Rocques 1812.

⁵⁷⁵ Северная почта 1812: 271.

⁵⁷⁶ Le Journal de l'Empire 1812: 19 juillet.

звучало предостережение: если жители не окажут ⁵⁷⁷сопротивление французам, то неприятель не оставит их в живых

В начальной фазе войны публицистика стремилась убедить общество в том, что победа близка, обосновывая подобное утверждение слабостью внешнеполитических позиций неприятеля. В российских газетах публиковались статьи о неудачах французов в Испании, вызванные самоотверженностью испанцев в борьбе за свою свободу. В свою очередь, французская публицистика ссылалась на то, что Петербургу придется в скором времени пойти на подписание мирного договора, так как Англия не спешит ей на помощь, а в одиночестве Россия не решится сражаться с Великой армией. Подобные утверждения об эфемерности союза Великобритании и России подкреплялись сообщениями из Лондона, в которых англичане выражали некоторую озабоченность нерешительностью русской армии в борьбе с Наполеоном: «Мы предполагаем, что Россия все же предпримет решительные действия. Наполеон перешел через Неман и предложил русскому императору сражаться, но войска Александра бежали перед сильнейшей армией. Французский император расположил главную квартиру в Вильно. Это создает значительные проблемы, так как Наполеон теперь может пойти на Санкт-Петербург. Он хорошо подготовился к войне, а русский император не имеет ⁵⁷⁸достаточных сил, чтобы оказать сопротивление этой сильной армии»

В течение августа французскому обществу сообщалось о постоянном продвижении Великой армии вглубь России, при этом неоднократно отмечалось, что отступление – это незапланированное действие со стороны русских, а результат слабости их армии. 5 августа был опубликован интересный сюжет, связанный со сражением под Смоленском: «Жители Смоленска встревожены внезапным появлением неприятеля. Все важные объекты были эвакуированы в Москву. Офицер, посланный императорам для эвакуации магазинов в Орше, был удивлен тем, что город уже находится во власти ⁵⁷⁹французов». Французская периодика, несмотря на стремление уничтожительно отзываться о неприятеле, все же демонстрировала некоторую объективность. В «Журналь де Л'Амбир» было опубликовано воззвание якобы русских солдат к французам, в котором утверждалось, что Россия воюет не с Францией, но с тщеславием Наполеона: «Французские солдаты! Вас вновь вынуждают идти на новую войну. Вы считаете, что русские к

⁵⁷⁷ «Получаются ежедневные известия о том, с какою жестокостью поступают французы в тех местах, кои ими заняты, или через кои они проходили. Очевидные свидетели рассказывают, что где французы от обывателей не встречали обороны, там производя в домах грабеж они многим хозяевам прибавили ноги к полу гвоздями...» (Северная почта 1812: 283).

⁵⁷⁸ Le Journal de l'Empire 1812: 23 juillet.

⁵⁷⁹ Ibid: 5 août.

вам несправедливы, вы в этом ошибаетесь. Россия воюет только против тщеславия Наполеона. Вы полагаете, что русская армия слаба. Нет, она может принять бой, тогда вы окажетесь в трудном положении»⁵⁸⁰. В этом же номере газеты был опубликован ответ якобы солдат Великой армии, в котором отмечалось, что главное преимущество французского народа перед русским заключается в осознании принципов свободы и чести. Упоминалось, что Александр I из-за тщеславия сам спровоцировал Францию на войну, подвергнув опасности свой народ. Очевидно, что после знакомства с подобным, у французской публики не оставалось сомнений в том, что их правитель принял верное решение, развязав с Россией войну.

Вера французов в своего императора постоянно подкреплялась информацией о военных достижениях Наполеона в России. 5 августа французы получили одно из таких сообщений: «Успехи французской армии описаны в последнем бюллетене. Когда анализируешь карту военных действий, впечатляешься результатами действий Наполеона, которые предвещают победу в этой кампании. Французские войска находятся на русской территории недалеко от Санкт-Петербурга, Киева и Москвы, трех главных городов России. В течение 15 дней позиции русской армии стали еще более уязвимыми»⁵⁸¹. В целом, наполеоновская пресса на первом этапе кампании убеждала французов в том, что Великая армия в скором времени вернется домой с новой победой.

В начале сентября французская публика стала получать сообщения о результатах первых сражений Великой армии. 5 сентября был опубликован XIII бюллетень, в котором сообщалось о победах французов на всех направлениях, на которых велись военные действия. Прежде всего, под Смоленском. В бюллетене было отмечено, что, несмотря на выгодную для нее стратегическую позицию, русская армия уклонилась от битвы. Затем была дана всеелявшая ужас картина, которая развернулась перед глазами французов на подступах к Смоленску: дороги в городе были устланы трупами русских солдат, здания были объаты огнем, как «Помпеи во время извержения Везувия». Из последующих выпусков «Журналь де Л'Амбир» французское общество узнало, что, несмотря на пожар, Великой армии все же удалось найти в городе огромные продовольственные запасы⁵⁸². Из подобного рода сообщений должно было следовать, что все усилия русских ослабить французскую армию потерпели крах. В публикации с сарказмом упоминалось, что Россия, испытывая недостаток в военных силах, вынуждена формировать народное ополчение: «Русские с начала войны пытаются поднять движение рабов-крестьян, которых они вооружили

⁵⁸⁰ Ibid: 6 août.

⁵⁸¹ Ibid: 5 août.

⁵⁸² Le Journal de l'Empire 1812: 7 septembre.

пиками. Создано уже 5000 подобных подразделений; которые стали объектом насмешек, даже в самой русской армии»⁵⁸³.

По мере продвижения Великой армии вглубь России, во французской публицистике образ неприятеля становился все более агрессивным. Особенно часто публиковались сюжеты, описывающие уничтожение русскими собственных городов. Так, 7 сентября французские читатели увидели в газетах отрывки из писем французских солдат из Смоленска, передававшие их первые впечатления о России. Отправители писали, что они смогли продвинуться вглубь России, выражали восхищение красотой города, одновременно возмущаясь тем, что русские, отступая, сожгли его прекрасные здания: «Русская армия, отступая с поля битвы, подожгла город. Когда мы вошли, то увидели горящие здания, улицы, покрытые телами мертвых русских, огонь освещал эту ужасную картину»⁵⁸⁴. Во втором письме, опубликованном в том же номере, была отмечена военная слабость русской армии: «Русские придерживаются тактики отступления, они продвигаются к Москве. Мы вновь отбросили их в опустошенную местность, заняв их лучшие провинции».

В отечественной прессе о сражении за Смоленск не упоминалось, но только описывались ужасающие картины, вызванные действиями французов-«безбожников» на оккупированной территории: «Варварские и ужасные поступки врагов наших по всем местам коим они ходят, свидетельствуют о том, что они не уважают церковь. Французы осуществили набег в с. Надва Смоленского уезда. Французы разграбили имущество в Священническом доме, потом схватили висевшие на стене церковные ключи, повели священника и двух причетников к церкви с обнаженными саблями. Едва успели они отпереть ограду и двери, как уже нашли в церкви двух французов, влезших прежде их в окно. Вся команда вошла потом и производила над святынею ругательства. Шкафы и сундуки разломаны, и взяты из них все священные сосуды и вещи, кои были серебряные. Медные деньги рассыпаны по полу; ризница оставлена. Между тем над священнослужителями держали обнаженные сабли, угрожая им смертью»⁵⁸⁵.

Основной принцип информационной войны, связанный с формированием часто взаимоисключающих представлений об одних и тех же событиях, наиболее ярко проявился в образе Бородинского сражения⁵⁸⁶. Французское общество узнало о крупной битве русской кампании из газет 23 сентября, прочитав радостное известие: «Враг

⁵⁸³ Ibidem.

⁵⁸⁴ Ibidem.

⁵⁸⁵ Северная почта 1812: 275.

⁵⁸⁶ Земцов: 2014.

полностью разбит»⁵⁸⁷. В последующих выпусках публиковались письма французских солдат, принявших участие в сражении, в которых подтверждался факт победы Великой армии и неоднократно упоминалось, что враг понес значительные потери. В свою очередь, в отечественных газетах отмечалось, что французы отступили перед мощью русской армии⁵⁸⁸. Так, благодаря периодической печати, в сознании двух народов прочно укоренились, казалось бы, взаимоисключающие представления, ставшие основой для формирования памяти о событии.

Подобное противоречие стало характерно и для описаний в периодической печати картин пребывания Великой армии в Москве. Публицистика двух стран акцентировала внимание только на тех аспектах, которые были выгодны только одной стороне. В отечественных газетах никоим образом не комментировались причины сдачи города. Наоборот, в тяжелейший для страны период пресса пыталась поднять народный дух примерами героизма, громогласно заявляя, что народ всей страны, включая и Урал, объят чувством патриотизмом⁵⁸⁹. Пребывание французских солдат в Москве сводилось на страницах периодики к сюжетам разгрома варварами прекрасного города: «Некоторые жители, которые не успели покинуть Москву рассказывали, что французы грабят дома, ломают ненужную им мебель. Во многих улицах Москвы пожары не перестают, и столица курится непрерывно дымом, который свидетельствуя варварство врагов наших, кажется призывает из окрестностей храбрый Христоролюбивый народ Российский на отмщение врагам Отечества»⁵⁹⁰.

Подобная информация была нацелена на то, чтобы российское общество, довольствуясь надеждой на скорое завершение войны,

⁵⁸⁷ Le Journal de l'Empire 1812: 23 septembre.

⁵⁸⁸ Кутузов от 29 августа императору: «Баталия, от 26 августа бывшая, была самая кровопролитная из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель тогда ретировался в ту позицию, с которой пришел нас атаковать; но чрезвычайная потеря с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Наре, и должен отступить еще на встречу к войскам, идущим ко мне из Москвы на подкрепление. Пленные сказывают, что неприятельская потеря чрезвычайно велика, и что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми 40 тыс. чел. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые, между прочими Даву ранен» (Северная почта 1812: 309).

⁵⁸⁹ В Сычевском уезде из всех мест крестьяне и мещане с косами, топорами, вилами и объявили, что они ни на пядь не пойдут из своего уезда, пока останутся только в живых. Ими командует отставной майор, который не назвал своего имени. Какая розница между селениями, в коих крестьяне обороняются и бьют неприятеля и между теми, в коих французы не встречают обороны (Северная почта 1812: 314).

Даже Урал объят патриотизмом. «не дадим доброго Царя и святой Руси в обиду иноплеменику; все готовы умереть за нашего Отца и за нашу православную веру. Таким образом, на самом Урале пылает любовь к монарху и отечеству (Там же: 315).

⁵⁹⁰ Северная почта 1812: 319.

сохранит спокойствие даже в то время, когда неприятель находился в древней столице России. Это настроение поддерживалось сообщениями о поражениях французов в Испании, о том, что англичане скоро войдут в Париж, пока Наполеон в Москве: «Здесь многие говорят, что и во Франции распространился уже слух, что английские войска обще с Гишпаскими вскоре войдут во Францию, и посетить могут Париж. Еще говорят, что и правительство Французское, по повелению начальника своего, заботится уже о мерах к преграждению пути сим названным гостям. Ежели слухи сии справедливы, то нет ни малейшего сомнения, что сам Наполеон посещение войсками Англинскими Парижа почитает весьма возможным»⁵⁹¹.

В конце сентября русские читатели наконец-то смогли прочесть долгожданную информацию о преследовании неприятеля: «Я продолжаю мое движение около Москвы. Завтра армия, сделав фланговый марш, на Калужскую дорогу, и послав сильные партии на Можайскую, весьма озаботить должна тыл неприятельский. Сим способом надеюсь я, что неприятель будет искать мне дать сражение, которого на выгодном местоположении равных успехов как при Бородине я ожидаю»⁵⁹². Подобные сообщения притупляли чувства горечи от потери города, создавая впечатление, что оставление Москвы было своеобразной ловушкой для неприятеля.

Стремясь не допустить появления каких-либо сомнений в обществе относительно действий своего императора, французская пресса представляла пребывание Наполеона в Москве как вершину триумфа, торжества цивилизации над варварством. В честь этой победы была поставлена опера «Освобожденный Иерусалим», символизирующая победу Запада над Востоком в ходе крестового похода. Не случайно премьера этого произведения состоялась во время пребывания французов в Москве. Реплики, фразы, которые звучали со сцены, были более чем актуальны. Слова одного из героев, к примеру, явно вызвали ассоциации с тем, что Россия отказывается подписывать мир, и французы вынуждены вести затяжную войну до полной победы:

Итак! Вы отклоняете мир!

Вы отказываетесь от моих условий! Тогда
я должен объявить вечную войну!

Звучала мысль и о нарушении неприятелем обычаев войны,
почему крестоносцы и были должны сражаться с особой жестокостью:

Давайте предадимся справедливой мести!

Давайте накажем подлых сарацин за наглость!

Пусть стены этого города станут нашим триумфом!

⁵⁹¹ Там же: 321.

⁵⁹² Там же: 325.

Французская пресса все чаще стала упоминать в публицистике об отсталости русских по сравнению с европейцами. В момент пребывания Великой армии в Москве вышел специальный номер журнала «Французский зритель», в котором акцентировалось внимание на том, что только благодаря влиянию западной культуры Россия смогла приблизиться к западной цивилизации. В журнале особо была отмечена деятельность императора Петра Великого, который осознавал факт отсталости России по сравнению с европейскими странами, и поэтому понимал необходимость сотрудничества с Западом⁵⁹³. В сознании общества должно было создаться представление о том, что посланники Запада и на этот раз принесли в Россию цивилизацию.

В свою очередь, русская публицистика описывала пребывание французов в древней столице как пример бесчестия Франции: «Каждый выходец из Москвы подтверждает, что французы производят там непрерывные грабежи и неистовства их превосходят всякое воображение»⁵⁹⁴. Так события в Москве в 1812 г. стали для обеих сторон примером варварского поведения неприятеля.

Если в течение сентября отечественная публицистика целенаправленно отказывалась от каких бы то ни было объяснений по поводу сдачи Москвы, то с начала октября на страницах печати все чаще стали заявлять об этом событии, как об удачном военно-стратегическом шаге русской армии. С целью убедить общество в ничтожности способностей неприятеля с начала октября стал выходить специальный выпуск журнала «Сын Отечества», в котором акцентировалось внимание на том, что Москва – это победа русских, которые остановили Наполеона: «Храбрые войска императора АЛЕКСАНДРА остановили ныне бурное стремление сего потолка. В сие время можно предложить суждения свои о ложной славе, озарявшей Бонапарта доньше»⁵⁹⁵. В течение октября этот журнал публиковал песни, анекдоты, которые были призваны убедить общество в том, что Москва стала местом гибели французов:

Хоть Москва в руках французов:
Это, право, не беда! – Наш фельдмаршал
князь Кутузов
Их на смерть впустил туда⁵⁹⁶.

Почти в каждом выпуске журнала «Сын Отечества» за октябрь публиковались отрывки из писем солдат Великой армии, свидетельствовавшие о том, что французы столкнулись с серьезными проблемами в Москве. Так, в одном из якобы перехваченных писем французский

⁵⁹³ Le Spectateur français au XIXme siècle 1812: 381.

⁵⁹⁴ Северная почта 1812: 328.

⁵⁹⁵ Сын Отечества 1812.: № 1.

⁵⁹⁶ Там же.

солдат раскаивался в том, что находится в составе Великой армии: «В Москве покрыли мы себя стыдом и преступлениями. Унизительно после того носить французский мундир. С каким нетерпением ожидаю я минуты сбросить его с плеч!». Отечественная публицистика в течение октября публиковала юмористические сюжеты, изображающие межкультурное столкновение французов и русских в Москве, в которых первые оказываются всегда глупее вторых»⁵⁹⁷. Активно внушалась мысль о том, что именно французы, в соответствии со своей дикарской природой, сожгли Москву.⁵⁹⁸

Чем ужаснее была информация об осквернении города французами, тем долгожданнее стало освобождение древней столицы. Конечно, когда в середине октября русское общество получило первую весть об освобождении Москвы, оно стало считать, что заслуга в этом принадлежит исключительно русской армии и Богу: ««Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 октября; но и убегая умышлял он поразить новою скорбью Христолюбивый народ Русский, взорвав подкопами Кремль и Божие храмы... Часть стен Кремлевских и почти все здания взлетели на воздух или истребились пожаром; а Соборы и храмы, вмещающие мощи Святых, остались целы и невредимы, в знамение милосердия Господня к Царю и Царству Русскому»⁵⁹⁹. В конце октября стали выходить многочисленные оды, восхвалявшие освобождение города, в которых подчеркивалось, что на стороне России Бог, которого французы отвергли⁶⁰⁰.

⁵⁹⁷ Один русский пленный кирасир взят был в денщики саксонским офицером, и приметя, что новый господин его постится уже несколько дней сряду, предложил ему пойти в ближнюю деревню (под Москвою) где обещал доставить ему все нужное. Офицер принял с радостью сие предложение. Кирасир привел его в огород, и велел ему взрыть одно место, где, по словам его, спрятаны съестные припасы, а сам обещал обойти деревню и поискать еще чего-нибудь. Саксонец усердно принялся за работу; кирасир между тем собрал всех деревенских баб, вооружил их косами и рогатинами, и привел в огород. Они связали обманутого гостя, и одна из них привела его на рогатине к нашим передовым постам (Сын Отечества 1812: № 1).

⁵⁹⁸ Там же: 2.

⁵⁹⁹ Северная почта 1812: 360.

⁶⁰⁰ Ода на освобождение Москвы: Москва взята! – благодаренье Всевышнему царю царей Столицы сей за избавленье, Которой овладел злодей; Он лютостям не зная меры, Попрал закон святятыя веры, Жег, грабил все, что только мог, Коснулся праху душ блаженных, Дерзнул и в алтарях священных Лишь кровь. – Но есть всесильный Бог (Сын Отечества 1812: № 1).

Если в отечественной прессе Москва стала символом победы религии над безбожием, то во французской – проявлением варварства русских. В течение октября во французских газетах появились сообщения, дышавшие возмущением, и которые должны были свидетельствовать о том, что именно русское правительство осмелилось поджечь Москву, чем вызвало со стороны местных жителей.

Конечно, французская пресса попыталась факт захвата города превратить в акт подлинного триумфа французов, убеждая общество в том, что это событие должно принести победу и завершение кампании. Так, в октябре, когда Великая армия начала уже отступление из Москвы, парижская публика продолжала жить теми героическими представлениями об этой войне, которые почерпнула из газет. Ко всему прочему, именно в это время во Франции было опубликовано несколько од на русскую кампанию, которые получили широкую известность⁶⁰¹. По иронии судьбы, когда французские солдаты боролись за жизнь в снегах России, парижская публика вдохновлялась поэтическими произведениями, восхвалявшими победы Великой армии в ходе этой кампании. Возможно, эти произведения в дальнейшем скрасили горечь французов от новостей о лишениях армии во время отступления из России.

По основным идейным линиям эти произведения схожи. В качестве основной причины войны в них вновь упоминается несоблюдение условий Континентальной блокады со стороны России: «Вместо того, чтобы с ней (Англией – А.П.) бороться, Россия считает ее союзником»⁶⁰². Оды убеждали читателей в том, что Наполеон стремился создать единую Европу, а Россия и Англия этому препятствовали. В одах говорилось, что русские, будучи не способны вести цивилизованную войну, вынуждены прибегать к варварским методам. Ожесточившись из-за поражения в битве, русские сожгли Москву:

Казак во время отступления,
Взбешенный явным пораженьем,
С особым рвеньем город жег... Я
вижу стариков, детей и женщин,
Дух испускающих меж стенами пылающих домов⁶⁰³.

В то же время, по мнению сочинителя оды, французы отстаивали честь своей страны и должны гордиться победой под Москвой:

С гордостью Вы можете сказать:
Я сражался в бою под Москвой,
Я мстил за честь Империи,
Я защищал мир в Европе⁶⁰⁴.

⁶⁰¹ См.: Quaynat 1812; Désaugiers 1812.

⁶⁰² Quaynat 1812: 3.

⁶⁰³ Désaugiers 1812: 7.

Некоторые подробности пребывания Великой армии в Москве французское общество смогло узнать из газет только в начале ноября. В этих сообщениях, в основном, утверждалось, что французы в Москве столкнулись только с одной проблемой – пожарами, которые устроили русские. Так, в отрывке одного письма, опубликованном в газете, французский солдат выражал возмущение по поводу того, что русское правительство поджогами поставило под угрозу не только жизни неприятелей, но и местных жителей: «Этим утром император провел смотр войск и воодушевляющими словами поддержал нас. Погода прекрасная. Местные жители, вернувшиеся в Москву, выражали негодование в адрес своего правительства по поводу поджогов. В оставленных домах все время находим все больше водки. Офицеры и солдаты снабжены продовольствием на всю зиму. Солдаты чувствуют себя хорошо...»⁶⁰⁵.

В целом, статьи в правительственных газетах продолжали создавать иллюзию победы французов, никак не комментируя причины столь длительной задержки в Москве. Когда Великая армия покинула Москву, во французских газетах стали появляться сообщения о том, что Наполеон планирует пойти на Санкт-Петербург. В подтверждение данного известия 2 ноября была опубликована выдержка из Санкт-Петербургской газеты от 20 сентября: «Некоторые меры были предприняты в Петербурге для эвакуации наиболее важных объектов. Это вызвано отнюдь не страхом перед неприятелем, так как он не сможет пойти на этот город»⁶⁰⁶. Конечно, под воздействием подобных сообщений у большей части читающей публики захват французами Москвы ассоциировался с победой или, по крайней мере, со скорым достижением мира на условиях Наполеона.

Почти каждый выпуск газеты убеждал французов в том, что Великая армия гордится своими успехами в этой войне и вскоре добьется решающей победы. В «Журналь де л'Амбир» от 4 ноября был опубликован отрывок письма одного французского офицера, который свидетельствовал о том, что Великая армия еще сильна: «К нам каждый день прибывает подкрепление; наша армия огромна. Наши раненые стали выздоравливать благодаря тому, что воздух стал прохладным. Два дня назад пошел первый снег. Мы предпринимаем возможные действия, дабы устроиться на зимних квартирах. Время от времени мы встречаем русских дезертиров, в основном, поляков, которые оказались под знаменами этой страны. Они утверждают, что русская армия находится в более плохом состоянии, чем наша. Император всегда верхом на коне. Не было дня, чтобы мы его не видели, он собира-

⁶⁰⁴Ibidem

⁶⁰⁵Le Journal de l'Empire 1812: 1 novembre.

⁶⁰⁶Ibid.: 2 novembre.

ется начать новый этап кампании. Война только укрепляет его здоровье»⁶⁰⁷.

Читая XXV бюллетень Великой армии, французское общество узнало, что император движется на Тулу и Калугу для размещения армии на зимних квартирах. В том же выпуске «Журнал де л'Амбир», в котором был опубликован бюллетень, был представлен краткий обзор писем французских солдат из Москвы: «Французские солдаты пишут о блестящей победе под Москвой, которая способствовала быстрому продвижению Великой армии к этому городу; овладение им должно было обеспечить победителей удобными зимними квартирами. Однако ненависть неприятелей-варваров побудила их к принятию ужасного решения – разрушить собственный город»⁶⁰⁸. Следует заметить, что в ноябре на страницах французских газет образ неприятеля стал более агрессивным.

В конце ноября без каких-либо объяснений в газетах было указано, что армия размещается на зимние квартиры не в Москве, а между Смоленском, Витебском и Минском: «С прибытием XXVI бюллетеня мы получили письма из главной квартиры Великой армии; она была 1 ноября в Вязьме, недалеко от Смоленска. Предполагается, что вся армия разместится между Смоленском, Витебском и Минском. Однако главной целью императора остается движение на Петербург. Невозможно вообразить, чтобы русские сожгли и разрушили свою главную столицу. Возможно, мир будет подписан в Петербурге. Совершенно очевидно, что концентрация армии произойдет в районе Смоленска и Витебска, так как армия не сможет пойти на Петербург, не получив отдыха. Очевидно, что так как русские не осознали своего поражения, необходимо достичь Петербурга. Если поход в Москву унизил престиж России, то экспедиция в Петербург может привести к ее падению, и она будет исключена из числа национальных государств»⁶⁰⁹. В этом же сообщении писалось о цивилизационном отличии Франции от России: «Наконец, в нашей стране существует безграничное доверие к власти, которое вдохновляется военным гением и героической историей. Неприятель же, напротив, даже не замечает вокруг себя причин для скорби и уныния: разрушенные города, опустелые деревни. Это все результат ничем не подкрепленного чувства имперского величия. Только вообразите, что неприятельская армия свободно передвигается по центру страны, а русские не признают себя побежденными»⁶¹⁰.

⁶⁰⁷ Ibid.: 4 novembre.

⁶⁰⁸ Ibid.: 9 novembre.

⁶⁰⁹ Ibid.: 17 novembre.

⁶¹⁰ Ibidem.

В тот момент, когда Великая армия уже сдавала свои позиции в России, французское общество продолжало верить в иллюзию побед Наполеона, не зная о тех лишениях, которые пришлось преодолеть армии во время отступления к Смоленску. Французская пресса, активно продолжая подкреплять подобные представления, писала лишь о фактах успеха Великой армии. Так, 18 ноября французы смогли прочесть XXVII бюллетень о сражении под Малоярославцем; в соответствии с бюллетенем, Великая армия первой пошла в атаку и одержала победу в этой битве⁶¹¹. Российская же пресса иначе представила данное событие: «В 5 часов утра завязалось дело, которое впоследствии с приближением всех наших войск сделалось довольно значущим сражением, и продолжалось до 11 часов ночи. Предметом сражения был город, который восемь раз занимаем был нашими войсками; при последнем же ударе наших стрелков остался он за нами»⁶¹².

В конце ноября, когда сообщения из Великой армии стали поступать все реже, во французских газетах стали появляться заметки, призванные убедить общество в том, что война, предпринятая Наполеоном против России, вписывается в некую историческую закономерность. К примеру, 21 ноября в «Журналь де л'Амбир» появилась статья, в которой проводилась аналогия между войнами Карла Великого и войнами Наполеона: «Карл Великий был вынужден вести войну против варваров. Авары, которые жили на территории современной России, неоднократно нападали на владения императора, но Карл не успел начать с ними войну. Конечно, Российская Империя более сильное государство, чем авары. Однако поход в Москву поколебал ее могущество. Вторая экспедиция может привести к ее окончательному падению. Россия представляет собой серьезную угрозу для соседних государств. Не бойтесь длительной войны с эти народом, как когда-то с саксами. Трех месяцев будет вполне достаточно, чтобы подорвать престиж великой России. Без сомнения, в дальнейшем история расскажет, что для того чтобы унижить более сильную Империю, эта страна разрушила свои города»⁶¹³.

Если в начале кампании французские газеты, в основном, акцентировали внимание на успехах французского императора, то в конце войны они стали «зомбировать» общество примерами неудач и агрессивных действий русских. На страницах газет вновь появляются статьи о политике России в Польше. Так, 23 ноября была опубликована заметка «Русские в Польше», в которой автор попытался проанализировать действия России по отношению к этому государству со времен Екатерины Великой, отметив, что им движет идея восстановления

⁶¹¹ Ibid.: 18 novembre.

⁶¹² Северная почта 1812: 376.

⁶¹³ Le Journal de l'Empire, 1812. 21 novembre.

справедливости. Выводы к статье были представлены в форме обращения к российскому правительству: «Необходимо признать свою вину в несправедливости по отношению к Польше. Если отрицать содеянное, то можно лишиться престола. В России власть монарха основана на запугивании и насилии»⁶¹⁴.

Более того, французская пресса пыталась убедить читателей в том, что даже англичане, союзники русских, относятся к ним как к варварам. 26 ноября французские газеты перепечатали информацию из английской прессы, в которой были опубликованы выдержки из путешествия Э. Кларка. В «Журналь де Л'Амбир» была помещена цитата из книги путешественника, которая характеризовала тираническую систему России: «Несколько русских дворян более богаты, чем наши английские пэры. Но также есть и огромное число очень бедных людей; такое разделение на богатых и бедных всегда имеет следствием развитие коррупции. В чувственном наслаждении они не знают ни законов, ни чести. Весь образ их жизни, сама тираническая система распространяется с трона до низов общества»⁶¹⁵.

Если французская публицистика для преодоления травмы поражения в основном принижала неприятеля, то отечественная с ноября сконцентрировалась на описании военных действий, которые, как утверждалось в газетах, должны были привести к полному разгрому французов. Так, на страницах российской прессы в конце ноября сообщалось о планируемом объединении армий адмирала П.В. Чичагова и генерала П.Х. Витгенштейна в районе Березины для окончательного уничтожения неприятеля⁶¹⁶. В дальнейшем информация о результатах этой операции уже не публиковалась. В конце ноября в газетах было только сообщено, что французы находятся в ужасном положении: «Вообразите себе, что отчаяние их так велико, что они сами бросаются в огонь, и друг друга колот: сему я был очевидный свидетель»⁶¹⁷.

Конечно, французская печать игнорировала необходимость информирования общества об ужасах отступления Великой армии, создавая впечатление, что солдаты просто возвращаются на Родину из очередной кампании. Так, 28 ноября, когда французы пережили трагедию на Березине, в «Журналь де Л'Амбир» были опубликованы равнодушные официальные фразы: «Великая армия осуществила переправу», «ничего примечательного с армией не произошло»⁶¹⁸. Для создания иллюзии торжественного возвращения французов в Париж газе-

⁶¹⁴ Ibid.: 23 novembre.

⁶¹⁵ Ibid.: 26 novembre.

⁶¹⁶ Северная почта 1812: 427.

⁶¹⁷ Выписка из письма, полученного из Вильны от 30 ноября 1812 года (Северная почта 1812: 437).

⁶¹⁸ Le Journal de l'Empire 1812: 28 novembre.

ты 29 ноября (20 дней спустя) сообщили о том, что 8 ноября был открыт мраморный бюст Его Величества в зале Отель де Вилль⁶¹⁹.

В течение нескольких дней французские газеты вообще не публиковали информации о русской кампании, тем более не озвучивали ее печальные результаты, создавая впечатление, что Франция по праву может гордиться своей армией. Однако после возвращения французских солдат из России оставлять общество в неведении было уже невозможно и поэтому впервые об итогах кампании французы были проинформированы через публикацию из Лондонской газеты: «Российская империя сражалась с сильнейшей армией мира. Энтузиазм русских, несмотря на трудности и опасности, только рос. Подобного примера патриотизма мы не сможем найти в истории государств»⁶²⁰.

В этом же номере газеты была опубликована информация о праздновании годовщины провозглашения Империи. В газете особо отмечалось, что вечером после торжества французская публика слушала оперу Д. Чимарозы «Горации», основная идея которой заключалась в том, что не стоит оплакивать тех, кто достойно сражался за Родину.

Первоначальное осмысление русской кампании в публицистике основывалось на сравнении поведения французских и русских солдат в период войны. Так, 10 декабря был опубликован анонс спектакля театра «Варьете» под названием «Семья москвитов». Сюжет был связан, как сегодня бы сказали, «с межкультурными контактами» французских солдат с жителями Москвы в октябре 1812 г. В соответствии со сценарием спектакля, во время пожара пострадал дом одной семьи; русская женщина, недавно родившая ребенка, пережив страх, потеряла молоко, и теперь ей нечем было кормить младенца. Но благородные французы, в отличие от ее соотечественников, оказали женщине помощь, подарив козу, которую купили у одного русского купца. Комментарий в газете к этому спектаклю отразил цель этой постановки: «Спектакль продемонстрировал великодушные французов в сравнении с поведением неприятеля»⁶²¹.

С середины декабря французские газеты стали публиковать информацию о результатах военных действий, формируя в сознании общества представление о том, что Великая армия выиграла все сражения кампании. Так, 11 декабря французы узнали, что Наполеон провел успешную военную операцию на Березине⁶²². 22 декабря в газетях была опубликована выдержка из швейцарской периодики об этом со-

⁶¹⁹Ibid.: 29 novembre.

⁶²⁰Ibid.: 7 décembre.

⁶²¹Ibid.: 10 décembre.

⁶²²Ibid.: 11 décembre.

бытии: «Швейцарцы мужественно сразились с русскими. Ничто их не остановило. Это прекрасная страница нашей военной истории»⁶²³.

Обсуждение результатов войны в Сенате, отчет о чем был опубликован 21 декабря 1812 г., было призвано подкрепить иллюзию бравурности в отношении результатов русской кампании⁶²⁴. Речи депутатов должны были закрепить официальный образ событий 1812 г. в памяти французов: «Сир, французы одержали победу в походе на Москву. Неприятель не может говорить об успехе. Результаты его действий заключаются лишь в опустошении собственной страны, в поджоге древней столицы. В этой варварской тактике проявилась его дикость»⁶²⁵. Наполеон, согласившись с этими словами, добавил, что значительные потери Великой армии были вызваны лишь суровым климатом.

Так, уже после завершения кампании продолжилась война образов. Письмо маршала Л.Н. Даву, опубликованное в январе 1813 г., прекрасно демонстрировало противоречивость в восприятии русских и французов событий войны и невозможность принять версию противника: «Я с изумлением прочитал Санкт-Петербургские газеты, в которых пишут о том, что русские выиграли все сражения с Наполеоном. Как можно так нагло обманывать свой народ! Видимо, им очень трудно признать взятие Москвы. Они также не объявили себя побежденными в сражениях под Малоярославцем и на Березине»⁶²⁶.

Итак, пресса формировала и стремилась закрепить на будущее основные образы 1812 г. в сознании, как французов, так и русских. В последующие после русской кампании годы эти образы войны будут систематически актуализироваться в исторической памяти России и Франции. Большинство газет, ориентируясь на формирование соответствующей правительственной установке психологической атмосферы в обществе, предлагало заранее подготовленные варианты осмысления событий, мало соотносившиеся с действительностью.

Список источников и литературы

Земцов 2014 – Земцов В.Н. Французская пресса 1812 года о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Международной научной конференции, 2-4 сентября 2013 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. 628 с.

Северная почта 1809– Северная почта. СПб., 1809.

⁶²³Ibid.: 22 décembre.

⁶²⁴Ibid.: 21 décembre.

⁶²⁵Ibidem.

⁶²⁶Ibid.: 30 janvier.

- Северная почта 1812** – Северная почта. СПб., 1812.
- Тарле 2010** – Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне I. М., 2010.
- Туган-Барановский 1995** – Туган-Барановский Д.М. Лошадь, которую я пытался обуздать // Новая и новейшая история. 1995. №2.
- Désaugiers 1812** – Désaugiers M.A. Chansons et poésies diverses. P., 1812. **Huyghe 2001** – Huyghe F., Adams J. The Next World War: Computers Are the Weapons and the Front Line Is Everywhere. L., 2001.
- Kauffer 1999** – Kauffer R. L'arme de la désinformation. P., 1999.
- Le Journal de l'Empire 1810** – Le Journal de l'Empire. P., 1810.
- Le Journal de l'Empire 1812** – Le Journal de l'Empire. P., 1812.
- Le Moniteur universel 1812** – Le Moniteur universel. P., 1812. Juillet.
- Le Spectateur français 1812** – Le Spectateur français au XIXme siècle, ou Variétés morales, politiques et littéraires, recueillies des meilleurs écrits périodiques, 1812 т. 12. С. 381.
- Quaynat 1812** – Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812
- Rocques 1812** – Rocques J.G. Seconde guerre de Pologne. P., 1812.

A.A. Postnikova

**THE RUSSIAN CAMPAIGN OF NAPOLEON OF 1812 IN A
MIRROR OF INFORMATION WAR
(ON MATERIALS OF THE FRENCH AND
RUSSIAN PRESS OF 1812)**

Domination over information space was the determining factor of forming of public opinion and public consciousness at all times. Especially brightly it is shown during the state and international conflicts. The perspective of information wars especially popular became recently. However researchers in this plan most often address experience of history of the 20th century and the present. Meanwhile, at least important material in judgment of these problems offers us 19th century. It became an era of blossoming of periodicals which, for society of that time was the unique source of information on the taking place events. The author on the basis of the analysis of the French and Russian newspapers of 1812 came to a conclusion that materials of the press became a basis for forming of images of war of 1812 in historical memory of both French, and Russians. The majority of newspapers, being guided by forming to the corresponding government installation of the psychological atmosphere in society, offered in advance prepared options of judgment of events which were a little corresponding to reality.

Key words: information space, historical memory, Russian campaign